

מדינת ישראל

משרד לאזרחים ותיקים

"ЛЕ-ДОРОТ" 65

Истории живущих в Израиле евреев, уцелевших в Шоа

Опросный лист уцелевшего в Шоа

Собрать и сохранить истории людей, уцелевших в Шоа, - это один из основных путей увековечить трагедию и передать знание о ней потомкам. Свидетельства уцелевших в Шоа важны и для историков, и для новых поколений, которые из отдельных личных историй смогут воссоздать цельную картину Шоа. Каждое свидетельство имеет большую национальную, научную и образовательную ценность. Истории будут опубликованы в интернете по адресу: www.ledorot.gov.il

Заранее благодарим Вас за участие.

Ваша фамилия и имя в настоящее время
(на иврите, как записано в удостоверении личности)

Фамилия: <i>רבינוב</i>	Имя: <i>דבורה</i>
------------------------	-------------------

Личные данные до и во время Шоа

Имена и названия мест, пожалуйста, заполните печатными буквами;
выделенные графы обязательны для заполнения

Фамилия до войны: <i>РЫТВИНА</i>		Девичья фамилия: <i>РЫТВИНА</i>	
Имя до/во время войны: <i>ВАЛЕНТИНА</i>		Пол: <u>М/Ж</u>	Дата рождения: <i>07 ЯНВАРЯ</i> <i>1939</i>
Место рождения (город, область): <i>город ЛЕНИНГРАД</i>		Страна рождения: <i>СССР</i>	
Имя отца: <i>Григорий</i>		Имя и девичья фамилия матери: <i>ГАЛИНА (БЕЛАА) БЛЮМИНА</i>	
Имя супруга/и (если поженились до/во время войны):		Девичья фамилия супруги:	
Постоянное место жительства до войны (город, область): <i>ЛЕНИНГРАД</i>		Страна проживания: <i>СССР</i>	
Образование/академическая степень до войны:	Профессия до войны:	Член партии/организации:	
Во время войны (22/06/1941-09/05/1945гг) находился/лась на оккупированной территории (гетто, лагерь, тюрьма, партизаны, спасение в лесу, по месту своего жительства или в других населенных пунктах, другое) и/или в эвакуации:			
От:	До:	Где находился/лась:	
<i>1941</i>	<i>III 1942</i>	<i>В блокаде Ленинграда</i>	
<i>1942</i>	<i>IX 1944</i>	<i>г. Омск</i> <i>эвакуация</i>	
Год репатриации в Израиль:	<i>1990</i>		Откуда прибыли: <i>ЛЕНИНГРАД</i>

Расскажите о Вашей жизни в довоенные годы

(семья, окружение, детские годы и учеба, работа, членство в организациях):

просьба писать от первого лица

Я родилась в Ленинграде в 1939. Моя семья состояла из 3 человек: папа, мама и я. Отец был инженером, мать была служащей. Жили мы в 2-х комнатах 3-х ^{КОМНАТНОЙ} коммунальной квартиры, в доме "Молойкаторман". Проживавшие в этом же доме соседи были высококвалифицированными представителями советской власти. В мае 1941 года родители отправили меня на лето на Украину в город Мелитополь к бабушке и дедушке.

Расскажите о Вашей жизни во время войны

(арест, депортация, гетто, лагеря; места укрытия или фальшивые документы; деятельность и должности в Юденрате/молодежных движениях/подпольных организациях или в партизанских отрядах; участие в побеге/сопротивлении/военных действиях; вынужденная эмиграция, эвакуация; помогали ли Вам люди или еврейские/нееврейские организации во время войны):

22 июня 1941 года я, почти двухлетняя, встретилась на Украине у бабушки, куда работавшие родители закинули меня на время - на все лето. Откуда им было знать, каким будет оно, это лето.

В доме, который до сих пор ленинградцы называют домом полета каторжан, зачастую абсолютно не зная происхождения этого названия, тоска сашей танкетвенном ерси корабле, в кото ром я родилась, и где прошло мое розовое (убы, в силу самого времени, весьма отмоет -

(смотри приложение стр 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72 и 73)

В сентябре 1944г. получив вызов из Лангерада, мы с мамой вернулись в Лангеррад. Мама в течение одних суток дезориентировалась на работу, определив меня в круглоугольный детский сад в дальнейшей маме поступила на юридические факультет Университета. Конец апреля и начало мая 1945 год. Мы все ждали ожидаемого объявления о Победе, а произошло это в ночь с 8го на 9 мая (около 2 часов ночи), у нас собрались машины подруги и мы все вместе выехали на улицы, где было огромное количество сбежавших, раздетых людей.

Расскажите о Вашей жизни после войны и до репатриации в Израиль:

В 1944 году я пошла в школу, за год до этого вернувшись из эвакуации спасенная от кризисов мои бабушка и дедушка и стали жить вместе с мамой. Мама в то время закончила учебу и поступила в Ленинградскую адвокатуру. В 1947 году закончила 10 классов средней школы.

см. приложение V

Расскажите о Вашей жизни в Израиле

(учеба, работа, служба в армии, культурная или общественная деятельность, семья, дети и внуки, другое):

В 1990 году мы с сыном репатрировались в Израиль и поселились в Маале Адулим, где моя подруга приехавшая несколько месяцев ранее, сняла для нас квартиру. Я сразу же пошла в ультан и стала работать метателом. Но уже через полгода я стала работать в единственной тогда рубельской еврейской газете "Наша страна" и на радио "Коль Израель", затем были газеты "Время", "Новости недели", иерусалимская газета "Неделя", в этих газетах я печаталась под псевдонимом "Тина Блон". Я была секретарем организации матерей одиночек, которые боролись за свои права, участвовала в недельной гала-концерте.

Валентина Скромных

✓ Пришло письмо

стр 3

Жизнь после войны и до репатриации
в Израиль

Еще в 5ом классе школы я решила, что стану журналисткой. Закончив школу в 1957 году я два года подряд пыталась поступить в Ленинградский Университет, отделение журналистики на филологическом факультете (тогда факультета журналистики еще не было), но, несмотря на отличные оценки на письменных экзаменах, меня не принимали. Декан, которому я, по видимому, надела уши: "Погими?" прозрачно намекнул: "Куда с Вами 5ый парagraф в идеологию, нереально" И, тем не менее, я стала журналисткой.

Окончив Университет в 1965 году сумела устроиться сначала в многотиражку (в заводскую газету), затем были публикации в городских газетах ("Вечерний Ленинград", "Ленинградская правда", в журнале "Ленинградская Пенорама", "Разрешенные печати", "Техника молодежи" и др). Потом были Радио и Ленинградское телевидение, издавались мои книги. Уже в 1967 году я стала членом Союза Журналистов СССР, как и оставалась до репатриации в Израиль и до распада СССР.

Замуж я вышла на 2 курсе, а в 1965 году у меня родился старший сын, умерший в сентябре 1973 года, а в 1972г у меня родился младший сын.

Валентина Скромшова

Зетр № "Жизнь в Израиле"

Тринадцатилетний со мной 18-ти летний сын героизм год пошел в боевые части Израильской Армии, участвовал в ливанской войне. В 1996 году мне была предоставлена Амударовская квартира в Беэр-Шева, куда я и переехала, оставив работу в газетах и стала писать книгу "Мелодии заката на два голоса" повествующую о пригласиях и корнях эмиграции питерской интеллигенции и ее судьбах и проблемах на земле Израиль. В 2001 году книга была издана в Санкт-Петербурге.

тельно розовое и очень короткое) детство, к началу войны жила уже самая разная публика. Но в начале и середине тридцатых жили здесь еще старые коммунисты, люди, прошедшие ссылку и каторгу при царизме, люди, которым новой властью доверены были самые высокие посты и должности в городе, люди идеи. Мои родители, не принадлежали к их числу, однако получили в этом доме квартиру по ходатайству мужа той самой моей тети, которая впоследствии, после его ареста и расстрела, сама прошла весь ад сталинского ГУЛАГа. Ну, а тогда, в тридцатые, родственник этот занимал высокий пост в Кремле. Квартира брату жены для него была незначительным пустячком. Пустячком, благодаря которому я, пишущая эти строки, стала урожденной ленинградкой. Но... вернемся к самому дому. Время не обошло его стороной, страшное время, и опустели многие квартиры, опустели, затаились, огромные межквартирные переходы и лестницы. Как я уже сказала, не избежал злой участи и наш благодетель, мой дядя. Впрочем, я узнала о нем через много лет, в 1956-м, когда, в результате хрущевской оттепели, после посмертной реабилитации мужа и освобождения из якутских лагерей для жен «врагов народа» вернулась в Москву выжившая, вопреки всему, моя тетя. Тетя, которая и узнала меня только семнадцатилетней. После ее ареста, дважды в год, по секрету от отца, который тогда в 38-м, отказался от родственника и заклеил его, как врага народа

(что поделаешь, такое было время тогда, а отец — он не был борцом, очень любил семью и безумно за нее боялся), мама отправляла в страшное «далеко» посылки и крохотные записки в несколько строк. Из этих записок тетушка и узнала о появлении у нее племянницы. Не знаю, что писала мама в этих коротких записках, но могу представить, как грели они душу человеку, попавшему в страшные жизненные жернова, причем просто так, «заодно».

Вот из этого-то зачумленного дома «политкаторжан» в первые дни войны, испросив у начальства краткосрочный отпуск (а это было уже не просто, тем более, что отец был одним из ведущих специалистов в области танкостроения), мой папа бросился за своей дочуркой на Украину. Все последующее я, конечно, знаю только по рассказам старших. Отец не уложился в отпущенные ему дни (да это было и невозможно), так как Украина уже пылала под сапогами немецких захватчиков, железнодорожное сообщение было нарушено, и ему с ребенком на руках пришлось многие километры идти пешком, обходя стороной большаки и шоссе, по которым уже разгуливали фашисты. А он (еврей) пробирался в Ленинград. С тяжелым сердцем не только от всего увиденного (уже заполнились телами евреев рвы и овраги), но еще и потому, что не сумел уговорить покинуть Мелитополь моих бабушку с дедушкой. Они не верили в рассказы о варварстве фашистов — помнили немцев еще по Первой Миро-

вой и считали их вполне цивилизованным народом. Боялся отец и того, что ему предстоит, в случае удачного возвращения (во всю уже свирепствовали военные трибуналы, и никакие обстоятельства в расчет не принимались) — по законам военного времени запоздалое возвращение отца приравнивалось к дезертирству. Что будет в этом случае не только с ним, но и его семьей, с его чудом спасенной от немцев дочуркой?

Он все-таки сумел прийти в Ленинград. Ленинград, уже почти замкнутый кольцом блокады. Дошел, увидел какого-то моряка, с лицом, вызывающим доверие, сунул ему в руки ребенка и записку с адресом, куда его доставить, а сам помчался навстречу своей судьбе — в военкомат. Свершилось чудо, «пронесло». В той первой военной неразберихе забылся отпущенный ему на отпуск срок, да и специалисты такого класса были нужны позарез. Отца сходу направили на формирование, он не смог повидаться с семьей, и тогда так и не узнал, что матросик, которому он с рук на руки передал свое «сокровище», доставил девочку по указанному адресу, но на его звонок в дверь, открыла ее не ошалевшая от ожидания и дурных предчувствий моя мама, а няня Слава, имевшая возможность отказаться от эвакуации, когда маму мою, почти насильно (она работала на оборонном заводе, который в полном составе подлежал эвакуации за Урал) увезли на вокзал: Няня

то верила, что ребенка привезут, и клятвенно обещала маме сохранить его во что бы то стало и, уже вместе с девочкой, приехать туда, где обосновался завод, а значит, и мама.

Мало кто представлял себе тогда, чем обернется война для ленинградцев. Никто и мысли не допускал, что город может оказаться замкнутым в блокадном кольце, лишенным продовольствия, воды, топлива, медикаментов. А это случилось, причем необыкновенно быстро. И вот Слава, оказалась в блокадном городе с чужим ребенком на руках. Без карточек — работать не могла из-за меня: куда девать ребенка, которого поклялась спасти. Продавала все, что было в доме, пока что-то еще было, и кормила меня, отрывала от себя — и отдавала мне то немногое, что удавалось достать. Она сдержала свою клятву: — спасла меня. Ценой собственной жизни. Няня умерла от голода в конце декабря 41-го. Но, чувствуя приближение конца, она нашла в себе силы подняться этажом выше и — отдала меня соседям, про которых знала, что они дружили с моими родителями. У них самих было двое мальчишек, правда, постарше, а глава семьи в блокадном городе оставался директором одного из крупнейших заводов, продолжавших, несмотря ни на что, работать для фронта, и по-прежнему получал дополнительный паек.

Низкий поклон им, сохранившим меня в самую тяжкую минуту, и вечная память няне моей, могилы которой, к сожалению, осталась

Связи с городом не было, и мои родители, посылавшие бесконечное количество писем и запросов в самые различные инстанции, ничего не знали о судьбе своего ребенка вплоть до конца февраля 42-го, когда заработала поистине святая «Дорога жизни» через Ладогу. Именно по этой дороге меня, трехлетнюю, укутанную во все одежды, что сберегла для меня Слава, перепуганную и не по возрасту молчаливую, грузовик, забитый до отказа полуживыми блокадниками, одолев полыньи и бомбежку, вывез на Большую землю. А потом, в соответствии с адресом, написанным на бумажке, привязанной к шнурку, болтавшемуся на тощей шее, меня самолетом отправили дальше, к маме. Вся эта история походит на чудо, потому что в ту пору детей, вывезенных из умирающего города, отправляли в детские дома, не особо разбираясь, есть ли у них родственники и, тем более, не выясняя где они и ищут ли своих потерянных в военном вихре детей. Само собой разумелось — кончится война, разберутся. Ох, сколько тех, кто так и не разобрались, не нашлись, и — не только из-за гибели близких, но и потому, что огромна земля наша, далеко раскидало после войны многие семьи, и до сих пор многие осиротевшие дети (теперь сами уже бабушки и дедушки) живут с надеждой отыскать свои корни, найти, хоть на старости лет, близких людей.

Ну, а меня судьба хранила. И замусоленную бумажку кто-то нашел и прочел, и нашелся летчик, согласившийся доставить незнако-

мого ребенка по указанному в ней адресу вместе с военным грузом. В Омске, где обосновался к началу 1942 года мамин завод, в ту пору не было, конечно, никакого аэропорта, лишь небольшая утрामбованная площадка, на которую садились, в основном, самолеты, привозившие необходимые военные грузы и важных чинов, курирующих работу оборонного предприятия, вывезенного из Ленинграда. О том, где находится этот импровизированный секретный аэродром, простые смертные не знали. Но мама, получившая сообщение о чудесном спасении ее дочки и прилете ее в ближайшие дни в Омск, сумела разузнать расположение этого аэродрома. С величайшим трудом отпрасилась она с работы. Тогда это было очень не просто, но на заводе хорошо знали мамину историю, ей сочувствовали, поэтому пошли навстречу, хотя многие скептики сомневались, что найденная и спасенная таким сложным путем девочка, именно я, мамина потерявшаяся дочка. Она встретила прилетевший из-за Урала самолет, и меня, чумазую, завшивевшую, дикую, ни за что не желавшую отпускать руку доставившего меня пилота, казавшегося, вероятно, замученному ребенку, единственным близким человеком в этой страшной круговерти жизни.

На протяжении нескольких недель по вечерам мамина комната была наполнена ее сослуживцами, приходившими посмотреть на это «чудо» — возвращенного из блокады, живого ребенка.

Именно там, отогретая в домашнем тепле, окруженная заботой взрослых, видевших во мне некий символ счастливого будущего, я начала осознавать себя. И то, что происходило со мной дальше, знаю уже не только со слов старших, но и из своих детских, пусть иногда отрывочных и неясных, воспоминаний. Там, в Омске, я узнала, что мои мелитопольские бабушка и дедушка все-таки спаслись. Они были последними евреями, которым удалось покинуть городок на крестьянской телеге перед тем, как в него вошли завоеватели.

Они разыскали своих дочь и внучку и через всю европейскую Россию, оккупированную беженцами Среднюю Азию, приехали к нам в Омск. А, пару недель спустя, там же оказался и отец, откомандированный на завод как военный специалист, чтобы наладить производство танков и запасных частей к ним.

Омск в ту пору был захолустным городишком, основное население которого составляли раскольники, поселившиеся в этих местах еще в прошлом столетии, бывшие ссыльные, казахи и киргизы, для кочевий которых не существовало границ и ограничений. Хорошо помню, как, катаясь на санках, наткнулась на старого казаха, сидящего на корточках с длинной трубкой в руке, и окутанного клубами дыма. Я закричала испуганно, когда он поймал мои перевернувшиеся сани, поднял меня и погладил по голове сухой темно-коричневой рукой. Но я вырвалась от него, так как безумно боялась его

и его сородичей, должно быть, видя в них воплощение сказочных драконов и иных сил зла. Откуда было знать маленькой девочке, что главный и самый страшный дракон восседает в белокаменных кремлевских палатах? А мой добрый и бесконечно любимый дед поддерживал мои страхи, пугая иногда не в меру избалованную озорную внучку: «Вот ужо отдам тебя казахам, будешь знать...».

Я жила заласканной и озорной, общей любимицей, пока однажды, не стала свидетелем очень тяжелого и громкого разговора между родителями. А потом, на следующий день, мама собрала кое-что из своих вещей и, не оборачиваясь на меня, бежавшую за ней с плачем, ушла из дома.

И начались бесконечные семейные разборки. Отец железным тоном сказал: «Дочку я ей не отдам!». Дед, мамин отец, между прочим, поддерживал его, устраивая скандалы бабушке, которая, как любая мать, не могла безоговорочно осудить свою дочь, единственную к тому времени: мы уже получили известие о том, что мамин младший брат, мой дядя, ушедший на фронт добровольцем в составе отряда лыжников из числа студентов института физической культуры им. Лесгафта, пропал без вести на подступах к Ленинграду. А что это означало, всем было понятно — погиб, но могилы нет, место гибели неизвестно. (Много лет спустя, уже после смерти дорогих бабушки и деда, в Ленинграде нас с мамой разыскал очевидец его

ибели, его фронтовой друг и товарищ. Он сообщил нам и о месте, где настигла смерть нашего Сашу, и об открытии памятника на месте гибели лыжного батальона, в Русско-Высоцком. Мы с мамой бывали там. Впоследствии, на этом памятнике появились и имена, среди которых (имя маминого брата). Бабушка потихоньку иделась с мамой, иногда приводя на эти встречи и меня. Мама стала отверженной в заводском поселке, этакая советская Анна Каренина. К тому же отец в это время стал уже большим начальником на заводе, ему сочувствовали, с ним считались. Вероятно поэтому, как только пришло сообщение о снятии блокады, мама собиралась в Ленинград. Еще шла война, был 1944-й год. Чтобы вернуться в только что освобожденный фронтовой город, нужен был официальный вызов, гарантирующий возвращающемуся работу. Мама сумела его получить. Как право забрать с собой ребенка. Правда, к тому времени, в жизнь отца уже вошла другая женщина, поэтому на суде по поводу развода и раздела имущества, мама, не предъявившая права на какое из нажитого совместно добра, доказала, что ребенок был отдан именно ей. Я была на этом суде, маленькая и снова потерянная. Одна среди взрослых дядей и тетей. Вряд

гвалту, слышали это невысказанное желание детского сердца, и я была отдана маме.

А потом — было возвращение, возвращение в еще совсем фронтовой, израненный и опустошенный Ленинград.* Впрочем, об этом я уже тебе рассказывала.

Сон так и не пришел, но за окнами уже «рассвет полощется», и нужно готовиться к началу нового дня. А воспоминания, что ж, возможно, я продолжу их в другую бессонную ночь.